

Введение

Политическая элита – это высший, привилегированный класс, который осуществляет функцию управления в обществе. Ее представители вырабатывают, принимают политические решения и контролируют их исполнение. У политической элиты есть и другие функции. Элиты, писал К. Манхейм, выступают в качестве агентов стабилизации и институционализации¹. Обладая знаниями и компетенцией, политическим видением и ресурсами, они формируют общественные институты. «Институционализирующий институт» общества – так элиты определяются российскими социологами, которые особое внимание уделяют той роли, которую политические акторы играют в процессе формирования институтов и норм, по которым живет социум². Характер политической элиты и ее особенности, механизмы формирования, карьерные траектории, бассейны рекрутирования определяют характер социальной мобильности, свидетельствуют об открытости или закрытости общества, его способности или неспособности к динамичному развитию. Анализируя деятельность элиты, мы лучше понимаем, как трансформируется социум, изменяются существующие и создаются новые политические институты.

¹ Манхейм К. *Диагноз нашего времени*. – М.: Юрист, 1994. – С. 313.

² *Региональные элиты Северо-Запада России: Политические и экономические ориентации* / Под ред. А.В. Дуки. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 53.

Настоящий выпуск «Актуальных проблем Европы» посвящен элитам современной Европы. Авторы интересовало, что собой представляют политические элиты европейских стран и как они функционируют. В статьях представлен опыт стран с развитыми демократическими институтами и традициями (ФРГ, Франция, Великобритания) и стран, в которых в последние десятилетия происходили глубинные общественные трансформации.

В Испании становление демократических институтов и возникновение новой политической элиты стало возможно после ухода с политической сцены Франко, в Восточной Европе – в результате демократических революций конца XX столетия, в России – после распада СССР (1991). В трансформирующихся обществах политические элиты стали главными акторами переходного периода.

В последние десятилетия и в стабильных, и в трансформирующихся обществах в структуре элиты произошли масштабные изменения. В «старых» демократических странах элита становилась более диверсифицированной по своему социальному составу, она молодела, в ней росло представительство женщин. Многие изменения происходили под влиянием институциональных преобразований. В рамках ЕС в 1975–2006 гг. были утверждены директивы в отношении гендерного равенства. С начала 2000-х годов во Франции, Великобритании, Испании были приняты законы, которые стимулировали продвижение женщин в политику и власть. В последнее десятилетие состав политической элиты Великобритании также обновился за счет этнических и сексуальных меньшинств (статья Д.Б. Вершининой). Странам «новой» демократии еще предстоит преодолеть гендерное и другие виды неравенства.

Для Испании и бывших социалистических стран центральной проблемой последних десятилетий стало формирование «новой» политической элиты и ее взаимоотношения со «старыми» элитными группами. В Испании непримиримым противником – франкистской элите и «новой» политической элите – удалось достичь договоренности. В 1977 г. были подписаны «пакты Монклоа», предполагавшие углубление демократических реформ и ставшие символом национального примирения.

Сопоставляя опыт стран Восточной Европы и России, исследователи приходят к выводу, что в России в процессе постсоветской трансформации позиции номенклатуры оказались достаточно стабильными, а ее представителям удалось сохранить позиции в высшем руководстве страны¹. Другого, неноменклатурного пути формирования постсоветской элиты в России не было, поскольку в недрах советского строя альтернативной элиты не существовало². С социальным составом современной элиты исследователи связывают успехи и неудачи общественной трансформации в России, особенности того политического режима, который сложился четверть века спустя после начала реформ.

Для одних авторов «интеграция советской номенклатуры во властные и экономические институты современного российского общества позволила избежать социальных катаклизмов и обеспечила относительную плавность перехода от режима государственного социализма к современному обществу»³. Для других номенклатурное происхождение российской элиты и слабое обновление элитного слоя обусловили «незавершенность» российской революции и в целом «трагедию российской демократии»⁴.

Ситуация в странах Восточной Европы напоминает классическое «соперничество элит». Давление со стороны оппозиции и гражданского общества способствовало значимому обновлению элитного слоя. В Польше и Чехии еще в советское время сформировалась влиятельная альтернативная элита. В результате демократических революций ее представители получили доступ к власти. В восточноевропейских странах номенклатуре, даже если и удава-

¹ Ершова Н.С. Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома // *Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / Общ. ред. Заславской Т.И., Арутюнян Л.А.* – М., 1994. – С. 151–155.

² Berelovitch A. *Les élites politiques en Russie: Changement et continuité // Ex-URSS: Les Etats en divorce / Sous la dir. de R. Berton-Hogge, M.-A. Crosnier.* – P., 1993. – P. 77–89.

³ Лапина Н.Ю. *Формирование современной российской элиты / РАН. ИНИОН.* – М., 1995. – С. 54.

⁴ Росс К. *Федерализм и демократия в России // Полис.* – М., 1999. – № 3. – С. 18.

лось удерживать элитные позиции, нередко приходилось менять «амплуа», конвертируя политический капитал в экономический. Ограничением на пути возвращения бывших партийных функционеров и руководителей органов госбезопасности в органы государственной власти стали законы о люстрации (Чехия, Польша, Венгрия, ФРГ – применительно к восточным землям).

При этом взаимоотношения «новой» и «старой» элит в странах Восточной Европы носили в основном консенсусный характер. В Румынии «новая» элита «вобрала» в себя реформаторски настроенную номенклатуру коммунистической партии, бывших руководителей социалистической экономики. В ее состав вошли диссиденты и известные деятели культуры (статья Т.Г. Битковой). Парадоксальная ситуация сложилась в Чехии. Несмотря на сильные антикоммунистические настроения и наличие диссидентского движения, в стране сохраняется влиятельная коммунистическая партия. Ее представители заседают в парламенте Чешской Республики, они сильны в органах власти на местах. Этот феномен поражает исследователей, которые не всегда могут дать ему адекватную оценку (статья Ю.А. Щербаковой).

Особый вариант элитной трансформации пережила ГДР. Объединение Германии происходило «под знаком западногерманского доминирования», восточногерманские земли приняли институты, существовавшие в ФРГ (статья У. Хоффманн-Ланге). На элитном уровне наблюдался феномен, который в ФРГ получил наименование «элитного трансфера». Из-за нехватки подготовленного персонала в восточногерманские земли направлялись западногерманские руководящие кадры второго уровня. Говорить о том, что соединение двух элит носило консенсусный характер не приходится, поскольку в восточных землях эта политика была воспринята как «западная колонизация». Острее всего ее ощутили на себе политики, представители СМИ, лица, занятые в сфере общественных наук.

В Польше возникла элита, в которую вошли представители «новых» и «старых» элитных слоев. Несмотря на неоднородность, ее представителей объединяло признание «общих правил игры» в политике. Однако уже к 2005 г. идея компромисса с коммунистами

была поставлена под сомнение. На выборах победили «бескомпромиссные» политики, которые требуют продолжения радикальных чисток (статья Л.С. Лыкошиной).

Опыт Польши заставляет задуматься не только над судьбой политической элиты. В последнее десятилетие в Польше политика демократизации сменилась традиционалистским поворотом. Пришедшая к власти праворадикальная часть элиты под флагом возвращения к ценностям патриотизма, семьи, церкви стремится к устранению политических конкурентов с государственной сцены.

В России трансформация властной элиты не завершилась. «Это связано с переходными процессами в обществе и сравнительно небольшим временем институционализации новых властных групп». В институциональном и структурном отношении в российской элите доминирующее положение занимает высшая административная элита, осуществляющая авторитарную интеграцию и консолидацию. Как и в ряде других постсоветских стран, в РФ отчетливо просматривается сплетение экономической, административной и политической элит (статья А.В. Дуки).

Национальные и исторические особенности накладывают отпечаток на процессы развития и функционирования элит. Национальная модель элиты сложилась во Франции. По своему характеру она вертикальная: важнейшие решения, включая карьерные, принимаются «наверху» – партийным руководством. Французские политики – долгожители во власти, чему способствовал существовавший до недавних пор механизм совмещения выборных мандатов. Во Франции из элиты не уходят, об этом говорят многие политики, об этом пишут исследователи (статья Н.Ю. Лапиной). И в этом отношении французская элита отличается от немецкой, где три выборных мандата – это своеобразный предел для политика. Британский парламент, несмотря на рост представительства в депутатском корпусе женщин, этнических и сексуальных меньшинств, остается элитарным, закрытым учреждением. Во многих странах подтверждается верность правила, сформулированного Патнэмом: на высших этажах властной иерархии, как правило, оказываются представители привилегированных классов.

Прошлое дает о себе знать и в странах Восточной Европы. Как показывает опыт этих стран, создание новых политических институтов, утверждение демократических процедур далеко не гарантируют *автоматического перехода к демократии*. Исторически утвердившиеся социальные практики оказываются сильнее институтов и сливаются с ними. Румынское общество в начале XXI в. функционировало, как и в годы правления Чаушеску, на основе неформальных отношений. И лишь в самые последние годы в стране развернулась масштабная борьба с коррупцией, которая дает первые результаты.

Страны Западной и Восточной Европы имеют разные историю и традиции. Но есть нечто общее, что их объединяет. С начала XXI столетия в Западной и Восточной Европе остро ощущался кризис политических институтов, росло недоверие к политикам, которых рядовые граждане всё чаще критикуют, считая коррумпированными и эгоистичными. В восточноевропейских странах «усталость от демократии», говоря словами франко-чешского аналитика Ж. Рупника, наступила быстро – потребовалась всего лишь четверть века. Разочарование в демократии отчасти свидетельствует о том, что демократия – это сложный политический механизм, требующий длительных процедур согласования, готовности политических акторов к компромиссам. Утверждение принципов политической демократии зависит от социально-экономического контекста. В послевоенный период демократия в европейских странах утвердилась благодаря тому, что простые граждане смогли воспользоваться плодами государства всеобщего благосостояния. Сегодня экономический кризис становится ощутимым препятствием на пути утверждения демократии в обществе.

Вызовом для демократии в странах Западной и Восточной Европы стало появление на политической арене новых политических движений. Всё чаще в странах «новой» и «старой» демократии на лидерство претендуют популисты, правые националисты. Во многих странах Европы усиливается восхищение сильными лидерами, растет соблазн управления авторитарными методами. Из этой ситуации существуют разные выходы. В Венгрии, как считает Б. Мадьяр, автор книги «Анатомия посткоммунистического

мафиозного государства», на основе доминирования одной партии возникло «мафиозное государство»¹, для которого характерны непотизм и клиентелизм. В последние годы в польской политике усилились консервативные тенденции. Но «традиционалистский поворот» вызывает глубокий общественный протест. «В 1990-е годы, – отмечает социолог И. Панков, – поляки восприняли демократию как должное. Сегодня польское общество осознает, что за демократию надо бороться»². В Польше создан Комитет защиты демократии, действуют оппозиционные СМИ, организуются многотысячные митинги в защиту прав человека. В этих условиях судьба европейской демократии во многом будет зависеть от того, удастся ли политической элите сохранить верность «демократическому пакту» и не перешагнуть за красную линию, а обществу отстоять демократию.

Н.Ю. Лапина

¹ Мадьяр Б. *Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: На примере Венгрии.* – М.: НЛО, 2016.

² Из беседы с автором. – 13.11.2016.